

А.И. ОРАЗБАЕВА

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ КАЗАХСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Мақалада қазақ мемлекеттелігінің өркениеттілік негізінің әлеуметтік-мәдени табиғаты талдана келе, мемлекет ұғымына қатысты кең мағыналы танымдық өркениеттік өлшемін қолдану ерекшеліктері сараланады.

По мнению автора настоящей статьи, теоретические проблемы цивилизационных основ казахской государственности могут быть разрешимы только исходя из взгляда на государство с предельно широких позиций, определяющего воздействие на него, прежде всего, духовно-нравственных и социокультурных факторов общественного развития.

According to the point of article's author, theoretical problems of civilizational foundations of kazakh statehood can be solved only on basis of the state view with an extremely broad perspective, defining influence on it, first of all, spiritual, moral and socio-cultural factors of social development.

В цивилизационной парадигме особое значение отведено роли государства, выступающего, по мнению одних цивилиографов, главной причиной возникновения цивилизации, тогда как у других оно ассоциируется с фазой подъема цивилизации. Как бы то ни было, признание государства в качестве одного из главных признаков цивилизации в научных кругах является общепринятым.

Изначально отметим, что в контексте цивилизационного устройства общества государство или же государственность необходимо рассматривать не как надстроечный элемент, легитимное средство насилия, отражающие классовый конфликт в обществе, а как функциональный, устойчивый и эволюционирующий составной компонент цивилизационной регуляции. И как

считает специалист в области теории цивилизаций Ш.Эйзенштадт, под легитимизацией следует подразумевать “оценку правителей и их деятельности в рамках, присущих данному обществу ценностей и представлений о правильном правлении” [1, с. 157]. Он упоминает лишь о различии между традиционной, харизматической и легально-рациональной легитимностью, проведенном М.Вебером.

Рассматривая в рамках теории цивилизаций такой социальный феномен, как государственность, невозможно ограничиться лишь гносеологическим анализом общих закономерностей возникновения и развития, без учета аксиологических оценок его внутренней природы. Суть проблемы, таким образом, заключена не в изучении юридических аспектов оформления данного социополитического института, а восприятии его обществом в ценностном значении. Ведь именно ценностное восприятие государства как социокультурного института, призванного служению во имя и во благо человеческого общества, раскрывает перед исследователями широкие возможности в осмыслении подлинной сущности различных его типов и вариаций.

Согласно цивилизационной теории, тип государства, его социальная природа определяется не столько объективно-материальными, сколько идеально-духовными факторами.

Так, цивилизационный подход выделяет три важных принципа соотношения государства и духовно-культурной жизни общества, отталкиваясь от которых мы постараемся ниже определить альтернативную однолинейной теории социальной эволюции модель казахской государственности:

- во-первых, сущность государства определяется не только реально существующим соотношением сил, но также накопленными в ходе исторического процесса и передаваемыми в рамках культуры представлениями о мире, ценностях, образцах поведения. Рассматривая государство, необходимо учитывать не только социальные интересы и действующие силы, но и весь исторический опыт прошлого;

- во-вторых, государственная власть как центральное явление мира политики может рассматриваться в то же время как часть мира культуры. Это позволяет избежать схематизации государства и особенно проводимой им политики как результата отвлеченной игры сил, и, наоборот, помогает раскрыть связь государственной власти и престижа морали, ценностных ориентаций, сложившегося мировоззрения, символики и т. д.;

- и, наконец, в-третьих, разновидность культур – во времени и пространстве – позволяет понять, почему некоторые типы государств, соответствующие одним условиям, останавливались в своем развитии в других условиях. В сфере государственной жизни особое значение придается различиям, вытекающим из своеобразия национальных культур и черт национального характера.

Итак, несмотря на научно обоснованные выводы отдельных исследователей о свойственности кочевым обществам всех без исключения главных признаков государства, на базе некоторых современных теорий государства в определенных научных кругах сложилось расхожее мнение о том, что кочевые цивилизации в целом, и цивилизация кочевников евразийских степей (в дальнейшем, – ЦКЕС) в частности, соответственно и субцивилизация казахов, не имели института государства, как такового: «В этой связи следует подчеркнуть отсутствие у всех кочевников сколько-нибудь развитых форм власти и ее институциональной формы – государственности. Координация общественных функций, лежавшая в основе процессов централизации, с последующей бюрократизацией общественной и политической жизни социума, не могла эволюционировать у кочевников в сколько-нибудь развитые формы государственности... Военно-потестарные организации не могут считаться государственными организациями» [2, с. 160].

Если принять такой посыл верным, то как же он может объяснить непреложный факт существования в кочевом обществе властных механизмов его объединения в единый и управляемый государственный организм? Как объяснить хотя бы факт выражения кочевниками евразийских степей понятия «государства», начиная с древнетюркской эпохи, словом «ел», прямо или опосредованно соответствующего во всех тюркских наречиях и диалектах смыслу «связь, отношение, соединение» [3, с. 214]? И это, заметьте, не считая зафиксированных в орхонских надписях примеров употребления слов «il» или «ел» в значении «страна, государство», а также известного произведения Жусупа Баласагуни об организации структуры одного из тюркских государств «Кутадгу билиг». И, наконец, напомним о том, что в китайской историографии появление термина «Син го» (кочевое государство), в буквальном переводе обозначающего – «подвижное государство» или кочевое государство, государство у народов-кочевников, «передвигающихся со скотом», государство народа – «неземледельца» [4, с. 264], по мнению синологов, восходит к Сыма Цяну.

Попытка изучения истории кочевого государства как политико-правового образования в отрыве от живого этносоциального организма и территориально-пространственных пределов расселения кочевников неминуемо теряет свою подлинность и достоверность. Результатом такого подхода может оказаться простой вывод об отсутствии у кочевников традиционно понимаемой модели государства, что определенным образом граничило бы со схематичностью или излишним теоретизированием без опоры на живую материю социально-политической жизни кочевого населения. Согласно историографическим данным, раннегосударственные образования кочевников «были ведущей и определяющей силой всего степного мира, их влияние распространялось на соседние племена и народы, не достигшие еще уровня этих государств» [5, с. 291].

Следует признать, что сложившаяся точка зрения об отсутствии института государства в кочевом обществе является прямым результатом редуцирования или сведения контуров кочевого государства к общепринятым образцам западного или восточного государства, не говоря о недопустимости к уподоблению друг другу различных типов, скажем, африканского и евразийского номадизма. Нетрудно заметить, что в таком подходе заложена своеобразная тенденциозность, ибо изучение одного явления с помощью простого переложения имеющихся теоретических конструктов к обладающему своей спецификой живому материалу кочевого общества заведомо предполагает приход к одностороннему, предугадываемому результату. Не вызывает сомнений то, что объективное изучение как территориальной организации, так и самих особенностей кочевого государства требует выработки иного подхода, который мог бы сыграть роль достаточного и эффективного познавательного инструментария.

Как известно, определение параметров социального строя кочевых обществ вообще, евразийских кочевников в частности, периодически изменялось в зависимости от идеологии советского государства, основанной все на той же марксистской формационной теории типологии государств, имеющей своим основанием общественно-экономические формации, вызывающие к жизни определенный исторический тип государства. Таким образом можно проследить в историографии данной проблемы за различными теориями и гипотезами [6], среди которых особый интерес вызывает у нас трактовка Г.Е.Маркова о «многоукладном способе производства» [7, с. 117]

кочевых обществ, дающая основание предположить, что признаки определенных укладов или же формационной принадлежности кочевые общества «приобретали» благодаря имевшим место контактам с чужеродными цивилизациями. В частности, к таковым привнесенным в ЦКЕС фиктивным социальным институтам, не игравшим ведущей роли в кочевой среде, можно было бы отнести элементы рабовладельческого уклада, основанного на захвате военнопленных, феодального, приобретенные в результате контакта с геосоциальными организмами и, наконец, капиталистических общественно-экономических отношений, возникших в новейшее время впоследствии мировой геополитики. Хотя одностороннее связывание всех имевшихся надстроечных структур кочевых обществ с оседлым «внешним миром», представление асимметричных отношений между номадами и их внешним (оседлым) окружением, утверждение того, что без них «...номады никогда не могли существовать сами по себе» [8, с. 69], тоже не приемлемо.

Поэтому, на наш взгляд, правомернее говорить не о заимствовании, а о специфике организации кочевого государства, где единство констант триады государства, таких, как «территория», «население», «власть», при естественном понимании их условности, сыграли ключевую роль в характере государственного образования кочевников евразийских степей. Кроме того, большему пониманию природы кочевого государства способствует изучение соотношения понятий государства и государственности, поскольку вопрос о государственности – это вопрос об изначальной границе цивилизационного ареала, социального пространства, отделяющего тот или иной район от другого. Исследование кочевого государства с позиции подчеркиваемых предпосылок, по нашему мнению, поможет пролить свет на многие неясности и справиться с поставленными перед настоящим исследованием задачами.

Начнем, пожалуй, с определения наиболее адекватной для применения к форме политической организации ЦКЕС дефиниции «государство» или «государственность», поскольку по общепризнанному мнению исследователей, эти категории являются не совсем идентичными по значению. Так, в энциклопедическом словаре политологии содержится нижеследующее определение: «Государственность – особый признак, которым отмечено историческое развитие стран (нации, группы национальностей, союза племен и т. п. образований), сумевших создать собственное государство или

восстановивших утраченное в силу различных причин свое государство. Государственность – не только достояние общества и показатель его развития, но и идеология, общественная, политическая и культурная ориентация, направляющая страну на развитие государства и его защиту. Существует ряд символических признаков автономной государственности – государственной язык, эмблематика и специфические формы государственной политической организации общества» [9, с. 64].

Следовательно, государственность не только не сводима к государству – она заметно шире по своему значению. Разумеется, государство здесь играет важную роль, поскольку в нем сосредоточены властные отношения, оно выступает носителем суверенитета, хранителем культурных ценностей общества. Однако под государственностью обозначается вся система отношений людей по поводу организации жизни в конкретно-исторический период времени, сложный комплекс элементов, структур, институтов публичной власти, обусловленных самобытностью (спецификой) социально-экономических, политических, духовно-нравственных условий жизнедеятельности конкретного народа или объединения народов на определенном историческом этапе развития общества. Среди государствоведов близкой интерпретации данного феномена придерживается исследователь В.Б.Пастухов, согласно мнению которого «...государственность есть продукт общества вообще. Ее история практически совпадает с историей общества. Государства есть продукт общества Нового времени. Государственность исторически развивается в государство» [10, с. 8].

Таким образом, государственность выступает:

- во-первых, комплексным понятием, отражающим качественное состояние государственно организованного общества на тот или иной конкретно-исторический период;
- во-вторых, она обладает национально-духовной природой, национально-культурной ориентированностью, поскольку отражает накопленные данным народом (народами) духовные и иные социальные ценности;
- в-третьих, это явление конкретно-историческое, ибо характеризует состояние общества на определенном этапе его развития, в рамках конкретной исторической ситуации.

Выходит, понятие «государственность» охватывает различные типы, формы государственной организации общества на различных этапах его развития. Проблема государственности оказывается весьма актуальной на

современном этапе научного знания, особенно когда возникает задача теоретического осмысления длительной истории государственно-правовой организации казахского общества. При таком методологическом подходе характеристики казахской государственности на разных этапах ее развития должны содержать и научную оценку, оценочные суждения, что и когда было эффективно и полезно по критериям качества жизни, «человеческого измерения», а что, наоборот, ошибочно, вредно, вело в тупик, порождало неразрешимые противоречия, конфликты. И все это, разумеется, необходимо рассматривать с учетом конкретно-исторических особенностей, знания культуры, казахских традиций, национальной и социальной психологии, религиозного и вообще, духовного развития Казахстана на определенном этапе и т.д.

Так, в отличие от традиционного становления государства как публично-политической власти, государственность кочевников евразийских степей проявлялась в многовековой межцивилизационной динамике, ключевой характеристикой которой была ее обращенность внутрь. По сравнению с «первичными» восточными цивилизациями, где государство являлось объединяющей и организующей силой, не определяемой, а определяющей социальные и экономические структуры, а также государствами «вторичных» западных цивилизаций, выступающих лишь компонентом, во многом подчиненным культурно-религиозной системе, государственность в кочевых обществах сложилась как особая форма этносоциального и этнотерриториального объединения. Речь идет о неравномерности общественного развития, т. е. разновременности прохождения различными человеческими общностями определенных исторических этапов, о влиянии на этот процесс не только объективных, но и субъективных факторов, что является одной из самых фундаментальных закономерностей. В свою очередь, такая закономерность ведет и к разновременному возникновению государственности, т.е. процессу появления и развития государств у разных народов. Поэтому совершенно справедливым выглядит в данном контексте заключение авторов монографии «Казахстан: эволюция государства и общества» о том, что «... государство есть результат Западной и Восточной цивилизации, тогда как применительно к истории Великой Степи, государственность (а не государство) является основой (а не результатом) цивилизационного процесса. И в этом заключается фундаментальное различие политической характеристики цивилизации кочевников» [11, с. 24–25].

Казахская государственность не ограничивается лишь рамками Казахского ханства (XV–XVIII вв.), так как она подразумевает возникновение и развитие казахского государства, его различные типы, формы и функции на разных этапах своей истории, преемственность и обновление политической, структурной и территориальной организации казахского общества в целом, словом, государственно-правовые процессы, происходящие в течение длительного периода жизнедеятельности тюркского этноса. Следовательно, для теоретического осмысления казахской государственности необходимо изучение государственной власти в генезисе, начиная с ранних кочевых государств саков, гуннов, уйсыней, тюрок, монголов, казахов, учитывая столь значимые государственно-правовые реформы, проведенные во время правления Моде шаньюя, Бумын-кагана, Истеми-кагана и заканчивая преобразованиями собственно казахских ханов – Есима, Касима, Тауке, Кенесары: «кочевническая цивилизация самым оригинальным образом проявила себя в организации социальной структуры общества, в особенности в плане государственности. Проходили столетия и даже тысячелетия, а сущность кочевой государственности оставалась неизменной: власть была традиционной (монархической), а базис и фундамент общества представляли роды и племена, ведущие кочевое скотоводческое хозяйство. Консервация родов и племен не свидетельствует об отсталости общества, находящегося на стадии первобытно-общинного строя, а о замечательной адаптации человека к природе, условиям кочевого образа жизни и соответствующего способа производства» [12, с. 107].

Итак, в ряду факторов, придающих своеобразие государству, не последнее место занимают территориально-пространственные. Отличительной особенностью кочевой цивилизации следует назвать преобладающее влияние территориального фактора. По сути, именно природно-климатические условия выступили здесь определяющей константой не только хозяйственной организации жизни, но и оставили неизгладимый отпечаток на системе политических, духовно-экзистенциальных ценностей. Невозможно не заметить того очевидного факта, что пронизывающее насквозь всю целостную структуру ЦКЕС мировоззрение гармоничного развития человека с окружающей природной средой, восприятие нашими предками земли как источника своего жизненного начала, обители своих предков – «Атамекен», почтительное, доверительное отношение к ней, не могли породить формой

собственности в данном цивилизационном пространстве – земельную, и это опять-таки без учета строгого соблюдения кочевниками преемственности государственной традиции, заложенной уже упомянутым Моде шаньюем, согласно которой «основой государства» во все времена для кочевников выступала Земля! «Изначальный страх – это преобладающее чувство землепашца, который сидит на своем не слишком плодородном клочке земли в раздробленной, тесной стране и в жесткой борьбе с северной природой отвоевывает скудный урожай... Так он живет в постоянном страхе перед случайностями, в заботах о будущем, в вечной войне с сорняками, опасаясь града, морозов, засухи, наводнений. В отличие от этого, изначальное доверие есть преобладающее жизненное чувство кочевника. Без всякого плана он гоняет туда сюда свои стада по бескрайней, бесконечной, кажущейся неистощимой степи. Он не обеспокоен заботами; ему незнакомы тяготы оседлой жизни; он уверен в неиссякаемой питающей силе матери-земли. Для него она не противник, как для землепашцев, у которого они вырывают плоды своего труда, а мать, которая и милостива, и щедра» [13, с. 89].

Кроме того, в осмыслении природы социополитической организации ЦКЕС особую значимость приобретает характер связи демосоциальных организмов с территорией. Так, по сравнению с фиксированными территориальными границами геосоциальных организмов, границы территории демосоциальных организмов обладали естественной пространственной структурой. Не затрагивая здесь сложную проблему (требующую отдельного изучения) о природной предначертанности контуров естественных территориальных границ ЦКЕС, отметим, что в силу подвижности хозяйственной жизнедеятельности, кочевые социальные организмы обладали большей степенью независимости от занимаемых ими территорий, нежели, напрямую зависевшие от изначально занятых определенных мест в пространстве, оседло-земледельческие хозяйства. Выражением такой самостоятельности демосоциальных организмов по отношению к территориальному фактору следует признать мобильность всего социального образования как единого целого: «Выделение совокупности людей, составляющих социальный организм, в качестве относительно самостоятельного элемента связано с тем, что основа социального организма – система отношений – получила свою собственную организацию, отличную от организации непосредственной совокупности людей, – пространственную, территориальную» [14, 56].

Государственность кочевников евразийских степей отличало постоянное движение отдельных социальных организмов внутри одной целостности, которое в свою очередь определялось сущностными чертами цивилизационной структуры и исторически обусловленными внутренними и внешними импульсами. Возможно, именно по этой причине выделяемые номадологами типичные признаки политико-потестарной системы кочевников, такие, как эфемерный и временный характер; милитаризованность, нестратифицированность, экономическая автаркичность, двойственность природы степных империй – централизованных во внешних делах, но консультативных и гетерогенных внутренне; отсутствие бюрократического аппарата, управленческо-редистрибутивной деятельности; отсутствие системы престолонаследия и т. д. не позволяют им признать формой организации здесь – государство.

Следовательно, именно недооценка доминирующего присутствия феномена самоподвижности всей социополитической структуры привела к отрицанию самой возможности функционирования и развития института государства и его атрибутов в условиях кочевого образа жизни. Мы полностью солидарны с выводом номадолога Е.И. Кычанова, который утверждает следующее: «осознать, что канцелярия или иное ведомство кочевого государства, будучи размещены в юрте и двигаясь со скотом «в поисках воды и травы», по сути своей не отличались от уездного ямыня или конторы в одном из павильонов дворцового комплекса. Подвижность канцелярии не превращала ее из государственной канцелярии в некий патриархальный или военно-демократический институт» [15, с. 302].

Таким образом, социальная принадлежность любого уровня у кочевников имеет свойство реализации посредством гибкости собственной общественной организации через свободу перестройки их социальной структуры. Такая особенность трансформации кочевых организмов во временные, единые, гомогенные общности при возникновении экстремальных ситуаций обусловила концентрацию чиновничьего аппарата номадов в военной и судебной сферах. Следовательно, закономерным выглядит то, что управленческие структуры кочевых государств, стоявшие над традиционными социальными институтами, складывались у кочевников не в результате классообразования, а на базе военной и родоплеменной организации, и государственная власть здесь исторически возникла через переход военно-де-

мократических форм организации в военно-потестарные структуры, в вождества, а от вождеств уже в государственную структуру так называемым в государствоведении «аристократическим путем». Такие системы общественных связей лежат как в основе военной организации номадов – «народа-воина» и являются, прежде всего, знаком культурной традиции кочевников, так и в основе политической организации «народа вольного» (КАЗАХ!), независимого, свободолюбивого, выступающего также знаком своей культурной самоидентичности. Здесь необходимо отметить то, что по представлениям древних тюрков, для существования государства только организационного устройства недостаточно. Еще одним условием существования «илей» являлась независимость. Так, к примеру, турецкий исследователь Садри Максуди Арсал на основании орхонских надписей констатировал: «В период Кутлуг-кагана тюрки, несомненно, обладали организационной структурой. Однако, несмотря на то, что тюрками управляли тюркские же тудуны, они были китайскими чиновниками, исполнявшими распоряжения китайской власти. Тюрки, оставившие орхонские надписи, считали, что до Кутлуга у тюрков не было «иля». “Тюрки потеряли «иль» и «торе» [16, с. 215]. За аналогичной картиной более позднего периода истории Казахстана мы можем наблюдать в эпоху монгольского владычества. Хотя социополитические структуры Улуса Джучи, Ак Орды, Моголистана, Ногайской Орды, ханства Абулхаира, несмотря на унаследование ими типичных для империи Чингисхана автократичных форм управления государством, представляли собой несколько иные, перестроенные, приспособленные к условиям кочевой среды тюрков, более демократичные надстроечные институты. В качестве примеров тому, можно назвать нижеследующие термины тюркского происхождения, использованные монголами в военном деле и государственном управлении: *орда, оглан, би, жырау, тархан, түмен, жарлық, тамгашы, бітікші, жасауыл, шығын, түтін* и т.д.

Таким образом, предварительные заметки о характере территориальной организации кочевого государства (в нашем случае кочевых народов евразийской степи) обнаруживают очевидное присутствие в нем специфических особенностей, несводимых к традиционным западному и восточному аналогам, так как здесь заметную роль сыграл именуемый исследователем У. Айонсом географический «фактор своего поля» [17, с. 26], в соответствии с которым механизмы и способы территориальной организации отличались чрезвычайной мобильностью.

Итак, естественность территориальных границ кочевого общества имеет ключевое значение, отражаясь на всей структуре хозяйственной, политической, духовной организации жизни кочевников. С этой точки зрения, доминирование территориального начала не могло не играть решающей роли в оформлении контуров кочевой цивилизации.

Легитимный фундамент государственности кочевников заложен в имплицитной потребности в интегрирующем начале, избавляющем огромный конгломерат этнически однородных родоплеменных единиц от бесконечных взаимоконфликтов. Подобный исходный принцип применим в подходе к определению цивилизационной основы собственно казахской государственности, сводимой к тому, что она изначально зарождалась как супертерриториальная гетерогенная общность, состоящая из нескольких субстратов и образуемая из соединения трех природно-хозяйственных регионов – кочевого, кочевого-земледельческого и земледельческо-кочевого. Под супертерриторией, которая представляет собой «материальную базу формирования этнической общности людей» [18, с. 106], в данном случае подразумевается целостность элементов культуры и быта, характерных для определенного географического отрезка пространства. Ибо вполне разумным выглядит выделение здесь последней ступенью к социумному единству – появление источника политических регулятивных функций – государственности, основанной на идентичности военно-политической организации (жұрт→ел→мемлекет) этнической общности, где формой власти выступал уже институт ханства, а идеологией – представление об единстве происхождения трех казахских жузов, наряду с каракиргизами, каракалпаками, каттаган, джайма [19, с. 151] к их общему первопредку – Алаш-хану.

Перейдем к рассмотрению следующей структурообразующей составной единицы государства – категории «население», «народ», которая в применении к демосоциальным организмам ЦКЕС имеет непосредственное отношение к определенной социальной общности, либо к целой группе родственных социальных организмов, в зависимости от их внутренней родоплеменной принадлежности, нежели население геосоциальных организмов, представляющих всю совокупность людей, объединенных независимо от существующих внутри их различий. Так, в предыдущих работах, указывая на особенность строения сложной, внутренне дифференцированной горизонтально-вертикальной системы социальных координат ЦКЕС,

мы отмечали, что несмотря на внешнюю целостность всего социального организма, место как отдельного индивида, так их совокупности в кочевом обществе определялось сначала принадлежностью к определенному роду, затем к племени и только потом – к жузам и государству, тогда как о населении, как обособленном явлении, отличном от самого социального организма можно говорить только применительно к геосоциальным организациям. Например, говоря о народе Франции, мы подразумеваем французов, о народе Германии – немцев, Великобритании – англичан и т. п., поскольку здесь не существуют каких-либо критериев внутреннего различия.

Кроме того, интересно было бы отметить тот факт, что в традиционном казахском обществе как таковая отсутствует дефиниция «тұрғын», которая явилась бы эквивалентом статичной категории «население» в гражданском обществе, тогда как более адекватно отражающим правовое соотношение между государством и общностью людей здесь служит термин «жұрт» [20, с. 251], который, с одной стороны, выступая одновременно синонимом слова «ел», «халық» (государство, народ), отражал их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность, а с другой – определял более динамичное состояние этнической общности данного типа государства.

Такая особенность организации населения по принципу кровного родства обусловила сложение альтернативного типа государственности ЦКЕС, где народ выступал не источником эксплуатации, а одним из источников самой политической власти: «В тюркских «илях» было три субъекта власти, три элемента, которые использовали власть: хан, беи и народ («будун»). Участие во власти этих трех элементов различно. Если власть хана всеобъемлюща, то власть беев относительно ограничена. А власть народа проявляется только в определенное время. Однако согласно воззрениям тюрков, народ являлся постоянным источником власти» [21, с. 215].

В тюркских государствах «население» (бодын, жұрт, халық) представляло собой не только массу подданных, но и являлось элементом, игравшим определенную роль в управлении государством и обладавшим большим влиянием, поскольку оно не только принимало участие в курултаях и его решениях, в избрании ханов, беков, а, прежде всего, служило одним из источников формирования законов «төре» – основных положений (принципов) государства, которым одинаково подчинялись как правители, так и подданные. Все же определяющим статус народа в ЦКЕС фактором необ-

ходимо считать исполнение им роли носителя традиций, обычаев, веры и воззрений, служащих основой и достоянием всего государства. Данное обстоятельство не могло не вызвать у правителей соответственного, учтвого отношения к своему народу. Так, в орхонских надписях, да и в других образцах степной историологии, содержится немалое количество тому примеров.

Первым, кто обозначил проблему организующего начала идиомы кровного родства в кочевом обществе, был арабский ученый Ибн Халдун. Согласно его концепции [22], «асабийя», что в переводе означает «инстинкт группы» (пер. – Г. Х. Бугета) или «связь людей, порожденная общностью происхождения» (пер. – С. М. Бациева), выступает основой солидарности и консолидации кочевников в противовес гражданству в территориальном государстве.

Благодаря обладанию асабией кочевые народы способнее других захватить власть, расширить территорию своего «царства», и если «царскую власть» потеряет одна из ветвей, то пока сохраняется асабийя у народа – она может перейти к другой его ветви, поскольку лишь утерявший асабийю народ может быть побежден и попасть под власть других и вскоре погибнуть. Учитывая сходство описываемых Ибн Халдуном черт кочевников-бедуинов с нуэрами Восточной Африки [23], где сегментарные и линиджные фракции были объединены отношениями реального и фиктивного родства, и с более сложной моделью белуджей и туарегов, в которой племена делились на роды и более мелкие родственные подразделения вплоть до домохозяйств, а также и представителей ЦКЕС, следует подчеркнуть, что здесь, наряду со сходством, горизонтальная социальная мобильность представляла по сравнению с указанными кочевыми общностями более мощную, централизованную социополитическую организацию, выражением которой выступает феномен жузов, выполнявших в традиционном казахском обществе роль механизмов административно-территориального, хозяйственно-экономического и политико-правового регулирования общественных отношений: «Казахское ханство как государство представляет собой симбиоз двух начал – политического в лице института верховной власти, особого сословия, носителя верховной власти и племенной организации власти и в виде вождества и потестарной структуры. Вождество играет роль основного, мощного и действенного звена власти, в то же время оно служит буфером между народом и политическим сословием. Благодаря этому достигается высокая степень его устойчивости» [24, с. 46].

Следовательно, именно наличием у кочевников евразийских степей родоплеменной традиции, основанной на идеологии «от рода к государству», можно объяснить факт стремительного создания новых государств на месте распавшихся прежних, поскольку племена и племенные союзы в данных случаях служили своего рода «фундаментом» для формирования на их базе государственных образований.

Таким образом, здесь заключены еще два аспекта соотношения «населения» с государством в кочевых обществах. Первый из них касается, как мы смогли убедиться, неизменности «базиса» и переменчивости надстроечных институтов кочевых обществ, а второй аспект – неэгалитарных, демократичных принципов организации социополитических институтов. Поскольку последний из выделяемых вопросов имеет непосредственное отношение к категории «власть», сфокусируем внимание на специфике ее проявлений в ЦКЕС.

Наблюдаемое за последнее время в научном мире обновление подходов отразилось на повышенном внимании исследователей и к феномену власти, непосредственно связанному с «социокультурным способом властвования», который, по мнению ученого Ю.Л.Бессмертного, включает: «специфику используемых в данном социуме политических дискурсов; своеобразное представление о власти и ее функциях; представления о допустимых (и недопустимых) видах властвования; имидж власти (включая представления о мере ее сакральности или иной трансцендентности), надежнее всего обеспечивающий покорность подчиненных; характерные черты символического оформления власти, принятые формы ее самопредъявления и вообще различные культурные топосы, фигурирующие в политической практике» [25, с. 15]. Иными словами, при таком анализе феномена власти на первом месте оказывается комплекс социокультурных представлений о власти и его изменение.

Поэтому, прежде чем приступить к изучению представления о власти в ЦКЕС, необходимо различать две ее разновидности: социальную и политическую. Так, социальная власть определяется как «характерный признак группы взаимодействующих индивидов, их общая способность к действию, и она существует как распределение знания..., а знание – это общеприемлемое убеждение, признанная вера, устойчиво связанная с социальной деятельностью» [26, с. 92], тогда как, в отличие от нее, политическая

власть характеризуется способностью влиять на направление деятельности людей, социальных групп, классов посредством экономических, идеологических, организационно-правовых воздействий, а также с помощью авторитета, традиций, насилий. Иначе говоря, главное отличие политической власти от власти как таковой коренится в ее нерасторжимой связи с той или иной формой и степенью развития государственности.

Общеизвестно, что начиная с древности, представления о власти у кочевников евразийских степей ассоциировались, прежде всего, с традиционностью и сакральностью, справедливостью и законностью. Такие архетипы восприятия власти были признаваемы и в традиционном казахском обществе периода XV–XVIII в., поскольку, согласно классификации исследователя Е. Шацкого, оно относится к интегральному типу традиционализма, когда в течение длительного времени остаются неизменными, соблюдаются и достоверно воспроизводятся в этнической среде усвоенные традиции, «понятые как ценные для жизни и обеспечивающие ее благосостояние», знания и опыт. Такой традиционализм «бывает удовлетворенным лишь в случае, если традиционалистский взгляд проникает во все сферы – сферу политики, экономики, культуры и религии и объединяет их в общем понимании полученного от прошлого *sakrum*» [26, с. 370].

Вполне закономерным выглядит то, что в традиционных обществах такого рода и тип власти отличался традиционностью. Согласно указанной в начале работы теории М. Вебера, «традиционной власти» свойственно то, что: «...наряду с системой непреложных, абсолютно священных норм... действует свободный произвол и милость господина, основанные, в принципе, на чисто “личных”, а не объективных отношениях, и поэтому (они) “иррациональные» [27, с. 69].

Таким образом, традиционная власть основана на личностном характере, на преданности и вере в святость легитимно избранного по харизме лица, управляющего своими подданными на основании закона и справедливости. Отсюда и вытекает характерность черт консенсуальности, сакральности, демократичности власти в ЦКЕС. Так, представление о правителе, как о некой харизматичной личности, от которой зависит благосостояние всего народа, было широко распространено среди тюрков. Правителями степных держав обычно выступали лица, «обладающие небесной (священной) благодатью» – «күт». Небесная благодать, дававшая право на власть, была

присуща не только данному правителю, но и являлась принадлежностью всего правящего рода, династии. В древнетюркском языке и современных тюркских диалектах семантика слова «күт» содержит множество значений: душа, жизненная сила, достоинство, отвага, удачливость, везение, счастье, благоденствие и т. д. В данном контексте для нас особую значимость обретает еще один смысл этого слова: «мощь политической власти, сила и правомочие управление государством, величие (величие власти)». «Слово «күт», входившее в титулы всех этих тюркских правителей, несомненно, содержало в себе смысл, отличающийся от смысла «счастье». Но это слово могло содержать в себе значения «сила политической власти, сила правления государством, величие верховной власти». Говоря обобщенно, это слово имело значение «полнота власти» (салахиет), во французском правовом языке отражавшееся словосочетаниями «Autoire de l'Etat» (авторитет государства), «Souverainete» (суверенитет), а в немецкой правовой терминологии – выражением «Staatsmacht» (сила государства) или «Staatsgewalt» (власть государства), а в терминологии римского права – выражением «imperiū» (высшая власть)» [28, с. 118].

Согласно тюркской концепции государства, у государства – «Ел», кроме задач водворения мира и порядка, существовала более высокая цель: обеспечение закона и справедливости. Вот что говорит о сущности свойств справедливости герой «Благодатного знания» Жусупа Баласагуни хан Кюнтогды:

Я – знак справедливости, правды закон,
 Пойми, чем и славен и праведен он...
 Вот трон, на котором сижу я всевластно,
 Взгляни: три ноги его держат согласно.
 Незыблемо прочен трехногий предмет:
 Все ножки недвижны, качания нет.
 Но если из трех хоть одна подкоситься,
 Дано и другим, и сиденью свалиться...
 Взгляни на меня: я всегда справедлив,
 А правды и кривды ведь тонок извив.
 По правде вершу все дела я привычно,
 А бек или раб предо мной – безразлично.
 Для власти во всем справедливость – основа,

И власть лишь во правде жива и здорова...
Крепка только власть справедливости строгой,
Путь бека – идти справедливой дорогой.
Благи для людей моей власти свершенья:
Где прочен закон, там цветут и каменья [29, с. 88–90].

Несмотря на характер поэтичности склада приводимых строк, невозможно не заметить взаимосвязи запечатленного в них автором образа «серебряного трона хана на крепком треножии» с тремя классическими субъектами кочевых государств (ханы, беи и будуны), с тремя представлениями о власти (закон, справедливость, құт), с тремя казахскими жузами, не говоря уже о трехчастном восприятии кочевниками евразийских степей пространства, времени и космоса. В конечном итоге, все перечисленные феномены обусловлены изначальным поиском представителями ЦКЕС гармонии, будь – то отдельного кочевника с самим собой, с обществом или с окружающей его природой. Следовательно, и формула *казахской государственности* степей построена на ценностных и нравственных началах, и всякие изыскания в ней признаков классовой природы форм собственности заранее обречены на провал.

Литература

1. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. – М.: Аспект-Пресс, 2001. – 556 с.
2. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. – Алматы: «Социнвест» – Москва: «Горизонт», 1995. – 320 с.
3. Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. Пер. с тур. яз. Рафаэля Мухамметдинова. Казань: Фэн, 2002. – 412 с.
4. Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Восточная литература РАН, 1997. – 319 с.
5. Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. //Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – А.-А.: Наука, 1989. – С. 284–292.
6. Марков Г.Е. Из истории изучения кочевничества в отечественной литературе: вопросы теории //Восток. – 1998. – № 6. – С. 110–123; Крадин Н.Н. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы //Вопро-

сы истории. – 2001. – №4 – С. 21–32; Кочевая альтернатива социальной эволюции. – Т. 5. – М., 2002. – 260 с.; Кушкумбаев А. Проблема государственности евразийских кочевников //Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 1994. – №6. – С. 86–93; Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. – Алматы: “Социнвест” – Москва: “Горизонт”, 1995. – 320 с.; Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Восточная литература РАН, 1997. – 319 с.

7. Марков Г.Е. Из истории изучения кочевничества в отечественной литературе: вопросы теории //Восток. – М., 1998. – № 6. – С. 110-123.

8. Черняк Е.Б. Цивилиография. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 384 с.

9. Политология. Энциклопедический словарь. – М.: изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – 431 с.

10. Пастухов В.Б. От государственности к государству: Европа и Россия //Полис. – 1994. – №2. – С. 6–25.

11. Абенов Е.М., Арынов Е.М., Тасмагамбетов И.Н. Казахстан: эволюция государства и общества. – Алматы: Институт развития Казахстана, 1996. – 390 с.

12. Ирмуханов Б.Б. Хазары и казахи: связь времен и народов. – Алматы: Наш мир, 2003. – 288 с.

13. Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. З.Г.Антипенко и М.В.Назарова. – М.: Альманах “Русская идея” (вып. 3, 2-е исправленное издание), 2000. – 448 с.

14. Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества //Советская этнография. – М., 1982. – № 2. – С. 47–59.

15. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Восточная литература РАН, 1997. – 319 с.

16. Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. / Пер. с тур. яз. Рафаэля Мухамметдинова. – Казань: Фэн, 2002. – 412 с.

17. Кочевая альтернатива социальной эволюции. – Т. 5. – М., 2002. – 260 с.

18. Тынышпаев М. История казахского народа. – Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. – 224 с.

19. Қазақ тілінің сөздігі. – Алматы: “Дайк-Пресс”, 1999. – 776 б.

20. Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. / Пер. с тур. яз. Рафаэля Мухамметдинова. – Казань: Фэн, 2002. – 412 с.

21. Бедуины и горожане в Мукаддима Ибн Халдуна //Очерки истории арабской культуры (V–XV вв.). – М.: Восточная литература, 1982. – 440 с.

– С. 311–356; Ibn Khaldoūn. Les textes sociologiques et économiques de la Mouqaddima. 1375-1379. Classés, traduits et annotés par G.H.Bousquet ancien professeur á la Faculté de Droit et des Sciences économiques d’Alger. – Paris, 1965.

22. Evans-Pritchard E.E. The Nuer: a Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. – Oxford, Clarendon Press, 1940; Tribes without rulers. Studies in African Segmentary Systems. Edited by John Middleton and David Tait, Preface by E.E. Evans-Prichard. – London, Routledge & Kegan Paul, 1958.

23. Артыкбаев Ж.О. Казахское государство: К проблеме методологии // Государство и общество в странах постсоветского Востока: история, современность, перспективы. Мат. межд. конф. – Алматы: Дайк-Пресс, 1999. – С. 38-47.

24. Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории //Одиссей. Человек в истории. 1995. – М.: Наука, 1995. – С. 5–17.

25. Иванов В.Н., Матвиенко В.Я и др. Технологии политической власти. Зарубежный опыт. – Киев: Вища школа, 1994. – 263 с.

26. Шацкий Е. Утопия и традиция /Пер. с польского. М.: Прогресс, 1990. – 454 с.

27. Абусеитова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV-XVIII вв.: история, политика, дипломатия. – Алматы: Дайк-Пресс, 1998. – 268 с.

28. Садри Максуди Арсал. Тюркская история и право. / Пер. с тур. яз. Рафаэля Мухамметдинова. – Казань: Фэн, 2002. – 412 с.

29. Баласагунский Ю. Благодатное знание. – М.: Наука, 1983. – 557 с.